

С.А. Васильев

д.э.н., профессор, Международный Центр социально-экономических исследований «Леонтьевский Центр» (Санкт-Петербург)

РАННЯЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ В КИТАЕ В ЭПОХУ СУН¹

Аннотация. В начале второго тысячелетия нашей эры Китайская империя Сун являлась наиболее развитой в экономическом отношении страной мира и самой быстрорастущей. В это время в Китае наблюдается ряд явлений, характерных для обществ, находящихся в процессе модернизации. В технологической сфере это переход к использованию каменного угля и ускоренное развитие металлургии, революция в судостроении и мореплавании, развитие книгопечатания. В экономической сфере – быстрый рост промышленности и торговли, резкое повышение продуктивности аграрного сектора. В социальной сфере – урбанизация, развитие массового образования и повышение грамотности, расширение имущественных и социальных прав женщин. Совокупность технологических, экономических, социальных и культурных изменений, произошедших в Китае в эпоху Сун, оказывается практически полностью изоморфной изменениям, происходившим в Западной Европе в XVI–XVIII вв. на начальном этапе европейской модернизации.

В политическом плане империя Сун представляла собой зрелое естественное государство, в котором впервые в истории сформировались пороговые условия для перехода к порядкам открытого доступа, а именно верховенство права для элит, консолидированный контроль над вооруженными силами, бессрочное существование общественных и частных организаций. Политические практики империи Сун включали отдельные элементы порядков открытого доступа, такие как защищенная частная собственность, универсальная система правосудия, открытый доступ к системе образования, религиозная свобода и отсутствие цензуры.

По мнению автора, в X–XIII вв. в Китае начался процесс ранней модернизации, прерванный впоследствии иноземными вторжениями, которые привели к изменениям политической культуры и девальвации социальных институтов. В долгосрочной перспективе основным препятствием для возвращения Китая на путь модернизации стала мальтузианская модель экономического развития, в которой высокие темпы естественного прироста населения препятствовали повышению жизненного уровня и внедрению инноваций.

Ключевые слова: *Китай, ранняя модернизация, империя Сун, зрелое естественное государство, пороговые условия перехода к порядкам открытого доступа.*

JEL: H10, N15, N45, N55, N75, O53, P40.

DOI: 10.24411/2587-7666-2020-10307

Введение

Историческое развитие Китая представляет огромный интерес для сравнительного обществоведения. В отличие от других цивилизаций Евразии, активно контактировавших друг с другом практически с момента их возникновения, Китай очень долго развивался в относительной изоляции от них. При этом существовали отдельные культурные заимствования, например, боевые колесницы, ювелирные изделия звериного стиля, вавилонский лунный календарь, элементы индийской философии в учении Дао и проникновение в Китай буддизма, сильное среднеазиатское влияние на культуру эпохи Тан (618–907 гг.).

Однако основные образцы политической и государственной культуры Китая сложились вполне автономно. Более того, Китай представляет собой наиболее яркий и, воз-

¹ Мнение членов редколлегии может не совпадать с мнениями авторов работ, публикуемых журналом «Вопросы теоретической экономики».

можно, единственный пример формирования политической и государственной культуры под влиянием господствующей идеологии (в данном случае конфуцианства).

Несмотря на достаточно позднее возникновение цивилизации в Китае (середина второго тысячелетия до нашей эры) и сравнительно изолированное ее развитие, к началу второго тысячелетия Новой эры Китай (в эпоху Сун) стал наиболее развитой в экономическом отношении страной мира и к тому же самой быстрорастущей. В это время в Китае наблюдается ряд явлений, характерных для обществ, находящихся в процессе модернизации (аграрная революция, промышленная революция, урбанизация). Китайское государство X–XIII вв. демонстрирует такую степень организации, которая в Европе была достигнута в лучшем случае к XVIII в. (упорядоченность административной, налоговой, судебной и образовательных систем, консолидированный политический контроль над армией).

Основная проблема, обсуждаемая в данной статье – были ли происходящие в Китае процессы началом модернизации в современном понимании этого слова, или это была лишь историческая флюктуация в развитии традиционной аграрной цивилизации, обусловленная совпадением случайных обстоятельств? Это весьма важный вопрос, поскольку модернизация представляется в господствующей научной парадигме как преимущественно европейский феномен, связанный с уникальными политическими и общественными институтами Европы (демократия, республиканское общественное устройство, разделение властей, развитое гражданское право).

Точка зрения, защищаемая в нашей работе, состоит в том, что в Китае в X–XIII вв. начался процесс ранней модернизации общества, прерванный впоследствии, внешними вторжениями и изменением политической культуры под влиянием этих вторжений.

Эпоха Сун в Китае охватывает период 960–1280 гг. Этот период характеризуется сильным давлением на Китай северной варварской периферии. Здесь империи Сун противостояли государства киданей (империя Ляо) и тангутов, причем китайцы никак не могли отвоевать у киданей северные провинции исторического Китая. В начале XII в. на смену киданям на севере пришли чжурчжени. Они захватили имперскую столицу Кайфэн (в среднем течении Хуанхэ) и вытеснили империю Сун к югу, так что новая граница стала проходить примерно посередине между реками Хуанхэ и Янцзы. По этой причине период, начинающийся с 1126 г., называется периодом Южной Сун. Во второй половине XIII в. после продолжительной войны Южная Сун была полностью захвачена монголами.

Внешнее давление вынуждало Империю держать в боевой готовности огромную армию численностью в 1 млн человек, а также регулярно выплачивать северным соседям дань в обмен на поддержание мира. Однако экономика Империи была настолько эффективной, что справлялась с этой нагрузкой без больших проблем. Даже в усеченном и ослабленном состоянии Южная Сун смогла сопротивляться монгольскому вторжению в течение 45 лет.

Методология исторического анализа

В исследовании принята двойная методология анализа. С одной стороны, мы анализируем историческое развитие Китая с точки зрения теории модернизации и исследуем все факторы модернизации в их взаимодействии. С другой стороны, мы опираемся на теорию социальных порядков Дугласа Норта [*Норт, Уоллис, Вайнгаст, 2011*] и рассматриваем Китай эпохи Сун как зрелое естественное государство, в котором сложились пороговые условия для перехода к порядкам открытого доступа.

Под модернизацией мы понимаем совокупность взаимосвязанных технологических, экономических, социальных, культурных и политических изменений, происходящих при переходе от аграрных сообществ к постаграрным и от традиционных сообществ к посттрадиционным.

Мы исходим из того, что все традиционные сообщества являются аграрными, а все аграрные – традиционными. Отличительной особенностью таких сообществ, возникших в процессе неолитической революции, был консерватизм их социально-экономических и политических структур. Подавляющая часть населения этих сообществ была занята в сельском хозяйстве с устойчиво низкой производительностью труда. Практически вся рента, которая формировалась в сельском хозяйстве, присваивалась элитной верхушкой общества, редко когда превышающей десятую часть населения. Отношения собственности в таких сообществах, как правило, опирались на отношения власти. Промышленность и торговля были не развиты.

Основным экономическим признаком модернизации является ускоренный рост промышленности и иных видов несельскохозяйственной деятельности, в особенности торговли. Второй признак модернизации – урбанизация: города не только растут в количестве и размерах, но и качественно изменяются. Третий признак – аграрная революция: растущее несельскохозяйственное и городское население нужно кормить. Четвертое – появление новых источников энергии и новых технологий. В социальном плане модернизация сопровождается усложнением структуры общества, повышением социальной мобильности, развитием массового образования и расширением грамотности, секуляризацией общества.

Понятие ранней модернизации мы будем использовать для обозначения периода модернизационного развития до начала использования в производстве силы пара и перехода от мануфактурного периода индустриализации к фабрично-заводскому. Темпы экономического роста в это время оказываются выше темпов роста аграрных экономик, но существенно ниже темпов роста на более поздних стадиях процесса модернизации. Классический пример ранней модернизации – развитие Западной Европы в XVI–XVIII вв.

Для исследования истории Китая понятие ранней модернизации было предложено японским синологом Найто Торадзиро [Мартынов, Мартынова, 2018]. Сторонники применения понятия ранней модернизации к историческому развитию Китая делают упор на преемственности институтов империй Сун, Мин и Цинь, воспринимая практически всю историю имперского Китая второго тысячелетия нашей эры как предмодерн.

Альтернативная точка зрения представлена в работе Голдстоуна [Goldstone, 1998], который определяет Китай второго тысячелетия нашей эры как «продвинутое органическое общество». Это понятие напоминает «зрелое естественное государство» Норта только внешне – под органическим имеется ввиду использование исключительно живой силы человека и животных плюс силы ветра и силы воды. Модернизация для Голдстоуна начинается со времени использования в народном хозяйстве силы пара. К продвинутым органическим обществам помимо империи Сун Голдстоун относит Византийскую империю эпохи Комнинов, империю Великих Моголов, Оттоманскую империю и государства Западной Европы Нового времени.

Надо отметить также, что в монографии выдающегося российского востоковеда И.М. Дьяконова, посвященной новой периодизации истории человечества [Дьяконов, 2007], Китай эпохи Сун относится не к средневековой, а к абсолютистской постсредневековой фазе исторического процесса. К этой же фазе Дьяконов относит и государства Западной Европы XVI–XVIII вв. Китай, по представлениям Дьяконова, является первой страной в мире, вступившей в постсредневековую фазу развития [Дьяконов, 2007. С. 199–203].

1. Элементы экономической модернизации

1.1. Реформа налогообложения и аграрная революция

В имперском Китае налогообложение сельскохозяйственной деятельности (а это был главный вид налогообложения) строилось традиционно по двум факторам. С одной стороны, облагались налогом земли, с другой стороны – работники. По этой причине власти прикладывали усилия для максимизации числа независимых крестьянских хозяйств, обес-

печенных земель в достаточной степени для уплаты налогов и выполнения иных повинностей перед государством. Все эти хозяйства связывались круговой порукой [*История Китая*, 2007. С. 169–170].

Спонтанное имущественное расслоение в деревне, концентрация земель в руках богатых землевладельцев, фактическая приватизация элитой де-юре государственных земель крайне негативно влияли на финансовую и социальную стабильность империи. Крупные хозяйства легче добивались налоговых привилегий и иммунитетов, а также массово коррумпировали сборщиков налогов. Одновременно снижалось количество независимых крестьянских хозяйств; безземельные крестьяне уходили под покровительство крупных землевладельцев или пополняли ряды бродяг и разбойников. По этим причинам власти всячески препятствовали свободному обороту земель.

Ситуация изменилась в конце эпохи Тан. В 780 г. была проведена налоговая реформа, предусматривавшая сохранение только поземельного (имущественного) налога [*Там же*. С. 186]. С этого времени для властей стала безразлична величина хозяйств и количество крестьян, которые обрабатывают в них землю. По сути, налоговая реформа привела к фактическому появлению института частного землевладения и легализации оборота земель. Отметим, что речь не идет о частной собственности на землю – такого понятия тогда не существовало, вся земля формально была императорской. Но с точки зрения развития рыночных отношений частное владение было эквивалентно частной собственности.

Новая достаточно прозрачная система налогообложения стимулировала повышение производительности труда, приводила к высвобождению рабочей силы из сельскохозяйственного производства, ее перемещению в другие отрасли экономики и сделала возможными структурные изменения во всех областях общественной жизни. Два важнейших фактора, обеспечивших наряду с налоговой реформой быстрый рост сельскохозяйственного производства – это внедрение новых сортов риса и общий сдвиг сельскохозяйственного производства на юг Китая. Этот сдвиг означал одновременно и технологическую революцию в возделывании этой культуры. На севере возможности выращивания риса были невелики: сравнительно короткий вегетационный период и мало орошаемых земель. Здесь преобладали иные культуры: сорго, просо и пшеница.

На юге изначально условия для сельского хозяйства были весьма тяжелыми: болота, джунгли и горы. Для выращивания риса здесь были использованы две новые технологии: в равнинных районах – осушение озер и болот и превращение их в польдеры, в горах – террасное земледелие [*Cambridge History of China*, 2009. Vol. 5. Part 2. P. 361]. В польдерах высаживали водостойкий рис Ханлу, а в горах – заимствованный из Вьетнама рис Чампа, высокоурожайный и устойчивый к засухам.

Масштабы аграрной революции можно проследить по следующим цифрам: урожайность зерновых за первые полтора столетия империи Сун (период наиболее интенсивного роста) выросла с 8–10 ц/га до 14–16 ц/га, то есть примерно в 1,65 раза, душевое потребление зерна выросло в 1,5 раза. Соответственно общий объем производства зерна вырос в 4,5 раза (при трехкратном росте населения за этот период). Это дает увеличение площади обрабатываемых земель в 2,5 раза и рост производительности труда (при снижении доли населения занятой в сельском хозяйстве с 90 до 70%) в 1,6 раза [*История Китая*, 2007. С. 216; Мельянцеv, 1996. С. 57, *Cambridge History of China*, 2009. Vol. 5. Part 2. P. 428].

1.2. Технологические инновации и рост промышленности

К эпохе Сун в Китае относится максимальное число фундаментальных технологических изобретений, из которых наиболее хорошо известны компас, порох, книгопечатание и бумажные деньги. Менее известны факты широкого применения каменного угля и изобретения современных шлюзов.

Все эти технологические инновации сыграли различную роль в социально-экономическом и политическом развитии Китая. Например, порох в эпоху Сун уже существовал, а артиллерии еще не было, так что изобретение пороха мало помогало Империи Сун отражать иноземные вторжения, тем более что все военные инновации быстро перенимались ее соседями.

Ключевыми технологическими инновациями в социально-экономическом развитии Китая, по нашему мнению, стали использование каменного угля и книгопечатание. Причем каменный уголь сыграл важную роль в экономическом развитии, а книгопечатание – в социальном.

Начало широкого использования каменного угля в эпоху Сун было вызвано двумя факторами: с одной стороны, резким ростом производства железа и фарфора, с другой стороны, исчерпанием запасов леса (для выплавки металла и обжига фарфора использовался древесный уголь). Использование каменного угля сняло ограничения на развитие металлургии, связанные с дефицитом древесного угля, а более высокая температура горения каменного угля позволила повысить эффективность выплавки и качество металла. В производстве фарфора переход на каменный уголь также привел к повышению качества продукции [*Cambridge History of China*, 2009. Vol. 5. Part 2. Pp. 375–377].

Компас поначалу применялся в целях правильной ориентации зданий и сооружений (с точки зрения фэн-шуй), в геодезии (в эпоху Сун в Китае уже умели изготавливать удивительно точные для своего времени карты) и только затем нашел применение в мореплавании. Компас оказался незаменим при дальних морских путешествиях, которые в эпоху Сун обеспечивали основной объем международной торговли, так как Великий шелковый путь в это время был полностью заблокирован государством тангутов (Западное Ся).

Развитие морской торговли стало важным стимулом для развития судостроения, в это время в Китае начали строиться самые большие в мире корабли, пригодные для длительного плавания в открытом море. Благодаря успехам судостроения и использованию компаса, китайские мореходы сильно потеснили арабских и персидских купцов на путях из Китая в Индию и Аравию. Кроме чисто торговых судов стали появляться пассажирские суда для плаваний по внутренней водной сети, а также был создан внушительный военный флот [*Op. cit.* Pp. 456–460].

Коммуникации по системе каналов также стали более простыми и дешевыми благодаря изобретению современных шлюзов с двумя воротами. В более ранних шлюзах с одними воротами (гидросливах) лодки между нижним и верхним бьефами приходилось протаскивать с помощью волов на канатах по специально проложенным полозьям. Сооружение новых шлюзов позволило значительно увеличить размеры речных судов и скорость их движения, в несколько раз сократить транспортные затраты [*Needham*, 1971. Pp. 357–360].

Почти все ключевые отрасли китайской экономики демонстрируют в период империи Сун необычайно динамичный рост. Производство железной руды в Китае в IX–XI вв. выросло в 12 раз, производство меди – в 30 раз. Производство железа к концу XI в. достигло 1,3–1,5 т на душу населения. Подобный уровень подушевого производства был достигнут в Западной Европе только в первой половине XVII в. [*Мельянцев*, 1996. С. 57].

Отметим, что динамичный рост производства железа косвенным образом указывает как на рост капиталовооруженности труда, так и на увеличение нормы накопления: железо используется почти исключительно для производства орудий производства. Действительно, производство железа за первые 150 лет Северной Сун увеличилось примерно в восемь раз, тогда как численность населения – в три раза.

Рост производства керамики и тканей трудно точно оценить из-за отсутствия статистики, однако по косвенным оценкам (количество печей для обжига керамики и фарфора, налоговые поступления по провинциям) производство керамики и тканей также

росло опережающими темпами. Важными признаками, указывающими на быстрый рост производства керамики и тканей, являются переход высшего класса на фарфоровую посуду вместо золотой и серебряной, массовый экспорт китайского фарфора во все страны Азии, употребление низшими слоями населения керамической посуды вместо глиняной, распространение шелковых тканей даже в деревнях [*Cambridge History of China*, 2009. Vol. 5. Part 2. Pp. 370–377].

Теперь попробуем оценить темпы роста ВВП Китая в эпоху Сун. Нас будет интересовать отрезок 960–1100 гг. как период наиболее быстрого экономического роста. По оценкам В.А. Мельянцева, подушевой ВВП Китая в период 800–1100 гг. вырос в 1,6–2,0 раза. Мы смело можем отнести весь этот прирост на период 960–1100 гг., поскольку в 800–960 гг. Китай проходил через династический кризис и эпоху междоусобных войн, так что ВВП в это время скорее падал, чем рос. Теперь о численности населения: в первые годы династии Сун в стране было 6,5 млн домохозяйств (учет велся именно по домохозяйствам). К 1100 г. число домохозяйств достигло 20 млн, что при гипотезе стабильности состава домохозяйств дает трехкратный рост населения. Таким образом, рост ВВП Китая за этот период составил примерно 5,4 раза [*История Китая с древнейших времен...* Т. IV. *Период Пяти династий...*, 2016. С. 428; Мельянцева, 1996. С. 57].

1.3. Развитие торговли

Несмотря на динамичное экономическое, социальное и культурное развитие Китая в эпоху Тан, торговля тогда имела относительно небольшое значение. Природные условия в центральной части Китая, где в то время проживала основная часть населения страны, были достаточно однородными. Аграрная экономика состояла в основном из средних хозяйств, вполне автаркичных на уровне поселений. Налоги уплачивались в натуральной форме зерном и шелковой пряжей, а потребности в непродовольственных товарах удовлетворялись путем прямого обмена внутри сельской общины. За деньги приобретались разве что металлы и соль.

Торговля как внутренняя, так и международная (по Великому шелковому пути и в меньшей степени по морю) была ориентирована на удовлетворение потребностей государства и правящего класса [*Cambridge History of China*, 2009. Vol. 5. Part 2. P. 492].

Ситуация радикально изменилась в эпоху Сун. Во-первых, в связи с повышением урожайности и укрупнением аграрных хозяйств на юге страны, в них стали накапливаться значительные излишки зерна, которые могли быть направлены на рынок. Во-вторых, произошло заметное снижение производства зерна на севере, вызванное эрозией почв, песчаными бурями и катастрофическими наводнениями на реке Хуанхэ, особенно во второй половине XI в., когда река несколько раз меняла русло [*История Китая с древнейших времен...* Т. IV. *Период Пяти династий...*, 2016. С. 435). В то же время основные зоны промышленного развития исторически располагались на севере (производство металлов, фарфора и шелка).

Такая ситуация способствовала формированию единого национального рынка, на котором потоки зерна шли с юга на север, а промышленные товары и соль – с севера на юг. Основой для внутренней торговли стала усовершенствованная водная система рек Хуанхэ и Янцзы, связанная так называемым Большим Каналом, построенным в меридиональном направлении [*Cambridge History of China*, 2009. Vol. 5. Part 2. P. 324].

Развитие торговли вызвало к жизни новые финансовые инструменты. Одним из таких инструментов стали депозитные сертификаты. Дело в том, что Китай исторически испытывал нехватку золота и серебра, которые использовались в основном для тезаврации, так что основным видом денег были медные монеты (а кое-где и железные). При растущих объемах торговых операций вес монеты, вовлеченной в обслуживание торговли, стано-

вился сопоставимым с весом самих товаров. В связи с этим были оборудованы хранилища для монет, выдававшие их владельцам сертификаты, которые использовались как средства платежа. По экономической природе – это частные банкноты, хотя сами по себе хранилища не были банками. В XI в. также отмечено появление векселей [Op. cit. Pp. 210–211].

К концу XI в., несмотря на быстрый рост производства меди, медных денег стало не хватать для обслуживания торгового оборота, так что китайское правительство начало выпуск бумажных денег и почти сразу столкнулось с проблемой инфляции. Инфляция, возникавшая при широком использовании бумажных денег, порождала серьезные структурные проблемы в экономике страны [Op. cit. Pp. 210–211].

Наиболее сложные финансовые и организационные инструменты использовались во внутренней торговле и для финансирования дальних морских путешествий. Здесь появились аналоги таких организационных форм, как товарищества с ограниченной ответственностью и коммандитные товарищества, причем исторические источники отмечают большое число мелких пайщиков, участвующих в подобных товариществах. [Op. cit. Pp. 403–405].

Развитие торговли само по себе способствовало углублению специализации в производственной сфере. Возможность относительно дешево и быстро перевозить продукцию по территории страны привела к развитию региональной специализации в выращивании определенных сортов риса и чая, производстве различных типов фарфоровой посуды и тканей [Op. cit. Pp. 368–369]. Эта диверсификация производства и потребления в меньшей степени затрагивала низшие слои населения и была прежде всего ориентирована на средний класс, который сосредотачивался в растущих городах Китая.

1.4. Урбанизация и городская революция

Империя Сун была по меркам того времени высокоурбанизированным обществом. Степень урбанизации Китая в эпоху Северной Сун достигала 20%, в Южной Сун – до 25% [Хи, van Leeuwen, van Zanden, 2018. Pp. 343–344, Мельянцеv, 1996. С. 59]. Это наиболее высокие показатели урбанизации среди всех обществ доиндустриальной эпохи.

В условиях ранней модернизации индустриализация и урбанизация были связаны только косвенно (через торговлю). Промышленных городов в строгом смысле этого слова в Китае не было, поскольку промышленность была жестко привязана к главному источнику механической энергии – падающей воде и, в меньшей степени, к главному источнику тепловой энергии – каменному углю. Это же относится и к легкой промышленности, имевшей в значительной мере сельский характер, хотя наиболее дорогие виды шелка производились городскими мануфактурами в провинциальных центрах, так как транспортировка пряжи не представляла большой проблемы [Cambridge History of China, 2009. Vol. 5. Part 2. Pp. 372–373]. Существенным исключением из этого правила было размещение основных оборонных предприятий в столице Северной Сун – Кайфэне, видимо для лучшего пригляда [Op. cit. Pp. 233–234].

Города в империи Сун функционировали преимущественно как административные и торгово-логистические центры при широком развитии градообслуживающих видов деятельности. Действительно, главное в китайской урбанизации, происходившей на рубеже тысячелетий, это не количественный рост городского населения, а изменение качества городской среды, которое получило название городской революции [История Китая с древнейших времен... Т. IV. Период Пяти династий..., 2016. С. 755].

Городская жизнь вообще и городская торговля в частности в эпоху Тан жестко регулировались. В сельской местности функционирование рынков разрешалось только в центрах уездов, а в городах – только в специально отведенных для этого кварталах. Время работы рынков строго регламентировалось, более того, вечером городские ворота наглухо закрывались, ночная жизнь в городах отсутствовала [История Китая, 2007. С. 180].

В эпоху Сун эта ограничительная регламентация была *de facto* отменена. В сельской местности рынки стали возникать везде, где это было удобно; затем они стали основой для возникновения новых, так называемых, «внешних» городов, обслуживающих функционирование этих рынков. В существующих городах перестали действовать все ограничения по времени и месту осуществления рыночных операций, города начали расти за пределами городских стен, городская жизнь стала круглосуточной, и все улицы стали торговыми. Впрочем, торговля и ремесло были здесь еще не вполне отделены, поскольку многие предметы потребления изготавливались локальными мастерскими и продавались на месте [Там же. С. 213–214].

Высокая плотность населения в городах стимулировала многоэтажное строительство, причем, если в Кайфэне дома строились обычно в три этажа, то в Ханчжоу (столице Южной Сун) уже в пять этажей. Есть сообщения и о восьмиэтажных зданиях. В Ханчжоу уже четко фиксируется разделение города на элитную южную часть, где были расположены большие виллы на холмах в окружении садов, и северную припортовую, где жила беднота в стесненных условиях многоэтажных домов, так что каждая семья занимала один этаж [Gernet, 1962. P. 33].

По описаниям современников столица Северной Сун по разнообразию магазинов и ресторанов, а также плотности их расположения, не уступала крупнейшим городам нашего времени, а возможно и превосходила их. В Кайфэне было около 50 театров, в том числе четыре театра с вместимостью до нескольких тысяч зрителей. Большое развитие получила система социальных клубов по интересам: чайные клубы, клубы любителей экзотической кухни, клубы собирателей антиквариата и предметов искусства, клубы любителей верховой езды, поэтические и музыкальные клубы [Ebrey, Walthall, Palais, 2006. P. 167].

Подобная структура городских поселений надолго пережила эпоху Сун. Количество и средние размеры городов продолжали расти и в дальнейшем, но в силу опережающего роста аграрного населения степень урбанизации Китая к середине XIX в. упала по сравнению с эпохой Сун в два раза [Lu, van Leeuwen, van Zanden, 2018. P. 347; Мельянцева, 1996. С. 72].

2. Элементы социальной модернизации

2.1. Система государственных экзаменов и социальная мобильность

Система экзаменов для замещения государственных должностей не была нововведением эпохи Сун. Подобная система существовала уже в империи Тан. Однако эта система была далеко не всеобщей, а участники экзаменов были представителями семей наследственной аристократии. И в целом высшие государственные должности в империи Тан замещались представителями аристократии.

Ситуация радикально поменялась в эпоху Сун. В смутное время, охватывающее эпоху поздней Тан и период пяти династий (755–960 гг.), старые аристократические фамилии по большей части исчезли. Военное сословие было сильно дискредитировано постоянным участием в мятежах и гражданских войнах. Поэтому попытка новой династии опереться на немногочисленный в ту пору образованный класс и расширить его ряды была разумным решением. [Cambridge History of China, 2009. Vol. 5. Part 2. P. 291].

В итоге система экзаменов была серьезно расширена и трансформирована. Впервые десятилетия империи Сун сформировалась трехуровневая система испытаний, которая в своих основных чертах сохранилась до конца имперского периода. Экзамены первого уровня проводились в провинциальных центрах, откуда лучшие студенты по региональным квотам отбирались для участия в столичном экзамене второго уровня. Прошедшие второй этап допускались к испытаниям третьего уровня, где частью экзамена было собеседование с императором. Прохождение каждого тура предполагало доступ к определенному кругу должностей государственной службы, причем кандидаты, показавшие лучшие результаты, получали степень с отличием или специальную рекомендацию на службу [История Китая с древнейших времен... Т. IV. Период Пяти династий..., 2016. С. 166–167].

Особые усилия были приложены для обеспечения объективности результатов. Устные экзамены, характерные для эпохи Тан, были заменены на письменные испытания, более того, экзаменационные работы переписывались специальными клерками с тем, чтобы экзаменатор не мог узнать почерк экзаменуемого [*Cambridge History of China*, 2009. Vol. 5. Part 2. P. 292].

Новая система обеспечивала замечательную вертикальную мобильность. По оценкам современных исследователей, в период 998–1126 гг. 31% чиновников высокого ранга составляли выходцы из семей чиновников низкого ранга и провинциальных элит, 47% – из бедных семей и только оставшиеся 22% – из семей знати и высшего чиновничества [*Op. cit.* P. 34].

Прохождение государственных экзаменов было не единственным способом доступа к карьере чиновника. Достаточно часто на гражданскую службу переходили венные – за особые заслуги или по выходу на пенсию [*Op. cit.* P. 58]. Чиновничьи звания также могли покупать себе за большие деньги торговцы и землевладельцы.

Однако наиболее распространенным альтернативным каналом поступления на государственную службу было использование особой «защитной привилегии», позволявшей высшим чиновникам продвигать своих детей и родственников на государственную службу без прохождения экзаменов. Чем выше было положение чиновника, тем большему количеству родственников он мог представить такую привилегию, и тем выше была степень государственной службы, на которую они могли быть назначены [*История Китая с древнейших времен... Т.IV. Период Пяти династий...*, 2016. С. 168].

В то же время чиновники, получившие должность через защитную привилегию, всегда считались государственными служащими второго разбора. Система экзаменов позволяла ее участникам быстрее получать высокие чины, и им же отдавалось предпочтение при назначении на руководящие должности в имперской администрации. [*Cambridge History of China*, 2009. Vol. 5. Part 2. P. 57]

2.2. Элиты и формирование среднего класса

Функционирование системы государственных экзаменов коренным образом изменило структуру общественной элиты – теперь в нее могли попасть только люди с высоким уровнем образования. Меньшую часть этой группы составляли члены императорской фамилии, получавшие лучшее образование в стране (ведь император должен был принимать экзамены высшей ступени), большую часть группы составляло высшее чиновничество. Ни немногочисленные потомки аристократических семейств, ни богатые землевладельцы, ни тем более торговцы не имели никаких шансов попасть в элиту, если они не имели формального образования.

Поэтому обеспеченные слои общества стремились к тому, чтобы их сыновья с раннего возраста получали хорошее образование и могли участвовать в экзаменах. Дочерей также предпочитали выдавать за обладателей ученых степеней. С этим связана тенденция увеличения размеров приданого, характерная для эпохи Сун, – здесь богатство разменивалось на статус [*Cambridge History of China*, 2009. Vol. 5. Part 2. Pp. 591–594].

Для бедных же семей хорошее образование было надежным путем для обретения богатства: положение чиновников обеспечивало им не только высокие оклады, но и возможность инвестировать эти средства в земледелие, промышленность и торговлю. Общественная обстановка в стране была такова, что ни одно из этих занятий не казалось предосудительным не только для чиновников, но даже для членов императорской фамилии [*Cambridge History of China*, 2009. Vol. 5. Part 2. P. 79].

В бедных семьях начальное образование часто финансировалось обеспеченными родственниками (многие выдающиеся деятели эпохи Сун происходили из небогатых,

а иногда и неполных семей). В крайнем случае, способных детей отдавали на обучение в монастыри. Многие чиновники после выхода на пенсию и возвращения на родину открывали в своих селениях бесплатные начальные школы.

Впрочем, к концу XI в. в Китае сформировалась единая образовательная система, нижнюю ступень которой представляли начальные государственные школы, созданные во всех уездах и провинциях. Для обеспечения деятельности начальных школ государство выделяло из своего земельного фонда специальные школьные земли, доходы от которых шли на содержание школ и их учеников.

Все это создавало в обществе культ образования и грамотности, так что высокий социальный статус имели не только чиновники, но также выпускники школ и университетов, либо не сдавшие экзамен на должность, либо сдавшие экзамен, но не поступившие на государственную службу. Все вместе они составляли так называемое образованное сословие, определяемое европейцами термином “literati”. Единые образовательные программы, совместное обучение в школах и университетах создавали в этом образованном сословии высокий уровень взаимопонимания и взаимной поддержки. Именно образованное сословие стало основой нарождающегося в Китае среднего класса: торговцы и землевладельцы широко перенимали его поведенческие стандарты и образ жизни.

Масштабы китайской образовательно-экзаменационной системы были огромны: количество одновременно обучающихся студентов на рубеже XI–XII вв. достигало 200 тыс. человек [Cambridge History of China, 2009. Vol. 5. Part 2. P. 302]. Такое расширение масштабов обучения стало возможным благодаря изобретению книгопечатания.

2.3. Книгопечатание и распространение грамотности

Книгопечатание было изобретено в Китае еще в последние годы правления династии Тан и получило применение в период междуцарствия (Пяти Династий, 907–960 гг.) прежде всего для распространения классических конфуцианских и буддистских книг. Печать осуществлялась со специальных досок, на которые с бумаги переносился текст, написанный тушью. Несколько позднее в Китае был изобретен и подвижный наборный шрифт, но он мало подходил для китайской письменности (слишком большое число иероглифов) и не обеспечивал такую качественную печать, как печать с досок [История Китая с древнейших времен... Т. IV. Период Пяти династий..., 2016. С. 598–591].

По-настоящему широко книгопечатание начало использоваться Директоратом образования Северной Сун для обеспечения учебной литературой школ и университетов. Издавались также классические работы по философии и комментарии к ним, словари и работы по филологии, книги по истории и энциклопедии, труды по астрономии и математике. Особое внимание правительство уделяло широкому распространению знаний по медицине и агрономии, такие книги печатались большими тиражами для всех провинций страны.

Изначально печатное дело находилось в частных руках. После создания государственных типографий власти долго и безуспешно боролись с частным книгопечатанием, в значительной степени потому, что частные типографии готовили сокращенные антологии для студентов и экзаменуемых – так что студенты вместо первоисточников читали антологии [Cambridge History of China, 2009. Vol. 5. Part 2. P. 546].

Предпринимались попытки введения цензуры, в частности императорские указы предписывали направлять все издаваемые частными типографиями книги на согласование в Директорат образования. Частота издания подобных указов говорит о том, что эффективной цензуры в империи Сун не было. В конечном счете, уже в эпоху Южной Сун государство отказалось от содержания государственных типографий и начало размещать свои заказы в частных типографиях [Op. cit. Pp. 547–548, 553].

Широкое распространение образования и печатных книг привело к беспрецедентному росту грамотности. Уровень грамотности, достигнутый в эпоху Сун, оценивается в 20–30% [Мельянцева, 1996. С. 59]. Это надо расценивать как замечательное достижение. Хотя в предшествующие эпохи существовали общества с более высоким уровнем грамотности, например греческие полисы, там все же использовалось алфавитное письмо. Изучение китайских иероглифов требует значительно больших усилий.

Высокая грамотность населения в Китае засвидетельствована большим потоком печатной продукции, ориентированной на средние и низшие слои населения. Так, наряду с официальными газетами здесь выпускались частные информационные листки, содержащие неофициальную информацию о деятельности правительства, а иногда и секретные материалы. Частные типографии печатали также справочники по домашнему хозяйству, издания по медицине, юридические справочники. В большом количестве печатались географические карты и пособия по их чтению, для развития морской торговли, кроме карт, важное значение имели морские лоции и таблицы приливов и отливов [Cambridge History of China, 2009. Vol. 5. Part 2. Pp. 553–559]. Наконец, важным следствием развития книгопечатания стало распространение грамотности среди женщин.

2.4. Эмансипация женщин

Положение женщины в китайском обществе эпохи Сун представляется наиболее независимым по сравнению с любым периодом имперской истории до или после династии Сун. В эмансипации женщин сыграл роль ряд обстоятельств.

Во-первых, уже упоминалось, что рост статуса образованного сословия стал поводом для увеличения размеров приданого. Во-вторых, по китайскому законодательству замужние женщины лично контролировали использование своего приданого, и любая собственность, приобретенная с помощью приданого, была исключительной собственностью жены. В-третьих, незамужние дочери, в случае смерти отца, получали долю наследства, которая была равна половине доли сына. В-четвертых, после развода (если он случался) или смерти супруга у женщины оставался весь ее капитал, и она вполне могла открыть собственное дело [Cambridge History of China, 2009. Vol. 5. Part 2. Pp. 586–588].

В китайском законодательстве ничто не препятствовало женщине вести собственный бизнес. Женщины владели чайными домиками, магазинами и ресторанами, аптеками, швейными мастерскими. Были женщины, которые практиковали народную медицину и иглоукалывание, работали акушерками [Op. cit. P. 584].

В общественной жизни положение женщины было тоже весьма эмансипированным. Обычай держать жен дома и не допускать их к общественным мероприятиям в это время еще не сложился. На такие мероприятия мужчины высшего класса приходили с женами, в том числе и на торжественные религиозные церемонии, которые шутливо называли «состязаниями ювелирных украшений». Еще более свободными в общественной жизни были женщины среднего класса [Op. cit. Pp. 572–574].

Важным фактором женской эмансипации стало распространение грамотности. В целом женщины проводили времени дома больше, чем мужчины, и теперь у них появилась еще одна возможность общения – писать друг другу письма, что выглядит вполне в духе европейского XVIII в. Это способствовало их более широкой социализации, выходящей за пределы родственного клана.

С распространением грамотности среди женщин высшего и среднего класса у них появилась еще одна роль – начальное обучение детей. Поскольку обучение велось дома, то начальное образование получали и мальчики, и девочки. Таким образом, не только воспроизводилась женская грамотность, но в перспективе повышался и общий образовательный уровень женщин [Op. cit. P. 589].

2.5. Религиозная веротерпимость²

Китайская цивилизация с конфессиональной точки зрения является уникальной. В Китае никогда не было господствующей религии. Господствующая идеология имперского Китая – конфуцианство – по сути является не религией, а философско-этической системой. Время от времени конфуцианство пытались превратить в религию, например, в начале эпохи Сун активно строились храмы, посвященные Конфуцию.

В древнем Китае религиозные представления включали почитание Неба (верховное божество), главным жрецом культа которого был сам Император (сын Неба). Наряду с этим существовал культ предков и культы локальных божеств или духов. За несколько веков до нашей эры в качестве одной из философских школ возник даосизм, который в течение короткого исторического времени трансформировался в религию. Наконец, на рубеже Новой эры в Китай пришел буддизм. Буддисты и даосы постоянно конкурировали между собой за влияние на двор, так что ни одна из этих религий не могла завоевать господствующее положение.

В целом сунский Китай нельзя назвать секулярным обществом, религия играла важную роль в повседневной жизни, однако все могли выбрать религиозный культ по своему вкусу, так что религиозный фактор никак не препятствовал экономическому, социальному и политическому развитию Китая. Именно эпоха Сун была в имперском Китае временем максимальной веротерпимости.

3. Зрелое естественное государство в Китае

В исторической перспективе империя Сун представляется в высокой степени политически стабильным обществом. В течение 315 лет эпохи Сун страной правили пятнадцать императоров. Средняя продолжительность правления – 22 года. Средний возраст вступления на престол – 26 лет, средний возраст смерти – 52 года. В отличие от других династий здесь ни один император не был отравлен или принужден к отречению. Здесь не было ни гражданских войн, ни военных мятежей, Такая стабильность выглядит уникальной не только по азиатским, но даже по европейским меркам.

Династия Сун была единственной китайской династией, падение которой не было связано с династическим кризисом. Все остальные великие династии (Хань, Тан, Мин и Цин) завершались периодом внутренних неурядиц, крестьянских восстаний и гражданских конфликтов. В отличие от этих династий Южная Сун, даже в период ожесточенной войны с монголами, сохраняла внутренний порядок, эффективную экономику и была способна до самого конца материально и финансово поддерживать воюющую армию.

Такая стабильность обеспечивалась весьма изощренным механизмом внутренней администрации, который в определенной степени основывался на принципе разделения властей и широко использовал систему сдержек и противовесов.

² *Примечание редакции:* термин «веротерпимость» в случае Китая не совсем корректен. Китайские власти ограничивали религиозные организации только тогда, когда те формировали параллельную иерархическую структуру и угрожали самой власти. К самой «религии» или «вере» это никакого отношения не имеет. Наличие религиозного синкретизма само по себе говорит о религиозной свободе, а он сформировался гораздо раньше эпохи Сун.

3.1 Административное устройство империи

Основу имперской администрации составляло Правительство, по традиции включавшее в себя шесть министерств³ (государственной службы, финансов, обороны, юстиции, ритуалов и общественных работ), и Цензорат – основной контрольный орган. Наряду с Цензоратом в середине XI в. был создан новый орган – Бюро обзора политики. Разделение труда между Цензоратом и Бюро состояло в том, что Цензорат следил за поведением чиновников, а Бюро информировало императора о последствиях принимаемых правительством решений. Оба органа обладали правом прямого доклада императору и не были обязаны информировать руководителей администрации и министров о своих расследованиях [Cambridge History of China, 2009. Vol. 5. Part 2. Pp. 103–105].

Центральный аппарат имперской администрации состоял из трех частей: Секретариат, Канцелярия и Департамент внутренних дел. Секретариат докладывал вопросы императору и получал его резолюции, Канцелярия оформляла документы, а Департамент внутренних дел доводил решения до министерств и контролировал их исполнение. Руководили центральной администрацией два Главных советника, один из которых возглавлял Секретариат, а другой – Канцелярию.

Подготовка документов осуществлялась вполне современно: соответствующее министерство готовило инициативу, тема докладывалась императору, после получения его принципиального одобрения проект указа подлежал согласованию с заинтересованными ведомствами и через Секретариат поступал на подпись императору. Принципиально важным моментом была возможность Канцелярии остановить уже подписанный императором указ, если в его тексте обнаруживались противоречия с действующим законодательством [Op. cit. Pp. 112-126].

Основной совещательный орган при императоре – Государственный Совет, в котором состояли оба Главных советника, их заместители, а также несколько руководителей Комитета по военным делам, который не входил в структуру гражданской администрации [Op. cit., P. 98].

Одной из больших проблем Китая, как и других средневековых империй, было избыточное влияние двора на проведение внутренней политики. Пользуясь близостью к телу императора евнухи, жены и наложницы лоббировали те или иные решения (в том числе и кадровые). С целью ограничения влияния двора на политику Империи была создана специальная Служба Императорского двора, которая занималась организацией всей дворцовой жизни, а ее сотрудники (сотрудницы) имели соответствующие ранги государственной службы.

Для уменьшения влияния гражданской элиты на функционирование Службы в ее штат принимались преимущественно девушки из семей военных, а назначения евнухов контролировались Комитетом по военным делам. Императрицы, имевшие большое политическое влияние (они традиционно выполняли функции регентов при малолетних императорах), также происходили из элитных семей генералов, участвовавших в возведении на трон первого императора династии [Op. cit. Pp. 87–90].

Важную роль в работе администрации играли так называемые академические советники. В основном это были выдающиеся ученые и литераторы, имевшие высшие чины государственной службы. Они использовались в нескольких форматах. Советники по очереди несли круглосуточное дежурство во дворце (по несколько человек одновременно).

³ *Примечание редакции:* шесть ведомств и трехпалатный государственный аппарат существовали в Китае традиционно, при этом каждый новый правитель старался противопоставить традиционной бюрократической машине какой-то орган, подчиняющийся непосредственно ему. Здесь не прослеживается специфика собственно эпохи Сун.

Основная функция этих дежурных советников состояла в подготовке проектов указов и иных документов по личному поручению императора.

Другим модусом взаимодействия императора и академических советников были специальные академические сессии, в которых по инициативе императора обсуждались классические и исторические тексты. При этом целью обсуждений было не столько подробное изучение истории, сколько поиск прецедентов, которые могли бы помочь в решении текущих проблем [Op. cit. Pp. 92–94].

Вся эта система была направлена на преодоление фундаментального дефекта, свойственного абсолютным монархиям, а именно принятия монархом дискреционных решений без обсуждения их последствий. Сложная система подготовки управленческих решений и законодательных актов, их всестороннее обсуждение и наличие большой группы экспертов, замыкающихся лично на императоре, позволяли в максимальной степени преодолеть этот дефект. В то же время система сдержек и противовесов обеспечивала взаимный контроль подразделений императорской администрации за качеством управленческих решений, принимаемых на более низких ее уровнях.

Большая часть чиновников высшего уровня имела одинаковый бэкграунд – все они учились в университетах и сдавали одни и те же экзамены. Общность образования несомненно помогала им эффективно сотрудничать. Но эти высокообразованные люди были весьма амбициозны и имели разные представления о том, как должна развиваться страна. Это приводило к формированию в имперской администрации политических фракций, которые создавались, конечно же, не только по идеологическим признакам: здесь играли роль региональные связи, а также патрон-клиентские отношения. Эти фракции некоторыми исследователями определяются как протопартии.

Основной проблемой фракций было то, что они не могли быть институционализированы. Попытки некоторых лидеров фракций добиться их формальной институционализации наталкивались на сильное сопротивление императоров и Главных советников, так как любые горизонтальные связи между чиновниками напоминали высшему руководству о возможности заговоров [Op. cit. Pp. 634–635].

Фракционная борьба в руководстве страны к концу XI века⁴ приобрела довольно жесткие формы: приход к власти одной из фракций сопровождался чисткой государственного аппарата от сторонников других фракций. Правда, в империи Сун чистки аппарата не сопровождалась репрессиями – сторонников фракции, проигравшей очередной раунд аппаратной борьбы, в лучшем случае назначали на почетные, но малозначимые должности, в худшем – отправляли на службу в отдаленные провинции.

3.2. Централизованный политический контроль над вооруженными силами

Наличие централизованного политического контроля над вооруженными силами в теории социальных порядков Норта является одним из пороговых условий для перехода от порядков ограниченного доступа к порядкам открытого доступа. Установление политического контроля над армией представляло серьезную проблему для первых императоров династии Сун, так как в период династического кризиса 755–960 гг. власть в Китае была полностью сосредоточена в руках командиров крупных воинских подразделений.

⁴ *Примечание редакции:* автор не останавливается на реформаторском движении в середине XI века, одном из крупнейших за всю историю Китая. Именно в это время реформаторы делали попытки первых крупномасштабных «либеральных» реформ в стране. Реформаторы старались пересмотреть традиционные устои и сделать государственное управление более эффективным и соответствующим новым тенденциям, происходившим в экономике и обществе (см., например: Zhao, Xuan & Drechsler, Wolfgang (2018). Wang Anshi's economic reforms: Proto-Keynesian economic policy in Song Dynasty China. Cambridge Journal of Economics).

Поэтому политика первых императоров династии Сун была нацелена на обеспечение контроля над армией. Высшим органом военного управления стал Комитет по военным делам, который все в большей степени заполнялся гражданскими служащими. В то же время в придворной службе сохранилось Бюро верховного главнокомандующего, под руководством которого функционировали три командования: Дворцовой гвардии, Столичной конной гвардии и Столичной пехотной гвардии [*Cambridge History of China*, 2009. Vol. 5. Part 2. Pp. 214–215].

Особенностью управления войсками в Империи Сун было то, что имперские армии состояли в ведении одного из трех Гвардейских командований, а при их дислокации в провинции в каждом провинциальном центре находились полки армий, подчиненных разным Гвардейским командованиям, что мешало их командирам договариваться между собой. На провинциальном уровне гражданский контроль был реализован путем постепенной передачи полномочий региональных военных комиссаров префектам провинций [Op. cit. P. 217].

В этом раскладе основным механизмом сдержек и противовесов являлась конкуренция между Комитетом, в котором преобладали гражданские служащие, и Бюро, которое состояло из армейцев. При этом статус руководителей Комитета был выше, чем статус руководителей Бюро, именно руководители Комитета заседали в Государственном Совете. Все перемещения армий также осуществлялись только по указанию Комитета. Конкурировали между собой и Гвардейские командования, осуществляя взаимный контроль в интересах императора.

Существует точка зрения, что относительно низкий статус военнослужащих в сравнении с гражданскими чиновниками был главной причиной поражений имперских войск в войнах с северными соседями. На самом деле существовали важные структурные и исторические причины относительной военной слабости имперской армии.

Во-первых, главную ударную силу армий того времени составляла конница. Но после потери северных провинций, где были сосредоточены основные пастбища, империя Сун никогда не имела лошадей в достаточном количестве. Да и в китайской воинской культуре выездка не была распространенным искусством, а относительная сила конницы предшествующей династии Тан была связана с большим распространением степного элемента в ее северных приграничных областях [*История Китая*, 2007. С. 152–154].

Малочисленность китайской конницы крайне затрудняла ведение наступательных боевых действий и маневренной войны на степных равнинах центрального Китая. Впоследствии в южных регионах Китая с их обилием гор, лесов и водных потоков имперская армия вела боевые действия на порядок эффективнее.

Во-вторых, разными были и принципы комплектования армий. Имперская армия в значительной степени комплектовалась из наемников, которых в этот период было предостаточно: разорившиеся крестьяне, которые не хотели быть арендаторами и не могли найти работу в городах, охотно шли в солдаты. Прямо скажем, это были деклассированные элементы. В армию отправляли уголовных преступников (только во вспомогательные части, так называемые провинциальные армии), а также участников незаконных вооруженных формирований, сдавших властям, таких, например, как герои классического романа «Речные заводи» [*Ши Най-ань*, 2014].

Армии же северных соседей Империи по сути своей были народным ополчением. Здесь каждый мужчина с детства был обучен верховой езде и конной охоте. Подразделения варварских армий представляли собой отдельные кланы и племена и были связаны тесными родственными и соседскими связями. Ясно, что боеспособность этих армий была существенно выше.

Тем не менее при всех этих объективных слабостях имперской армии монголам потребовалось целых 45 лет, чтобы завоевать Южную Сун, при том, что на завоевание дру-

гих стран у них уходило всего по несколько лет. На мой взгляд, это говорит о необычайной экономической, политической и военной конкурентоспособности социального порядка империи Сун, а вовсе не о том, что это был тупиковый путь развития [Гайдар, 2005. С. 169].

3.3. Верховенство права для элит

Китайская система правосудия уже в раннеимперский период отличалась высокой степенью организации и упорядоченности. Правовой Кодекс империи Тан 737 г. не только стал основой всего позднего права имперского Китая, но также сильно повлиял на законодательство других стран Восточной Азии [История Китая, 2007. С. 176]. В определенном смысле можно сказать, что верховенство права для элит было обеспечено уже в империи Тан, а в эпоху Сун эффективной судебной системой могло пользоваться уже все население Китая.

Судебная система империи Сун была, с одной стороны, совершенно иерархической, включающей три уровня судов: местные, провинциальные и верховный суды. Но, с другой стороны, в этой системе на всех уровнях присутствовали механизмы взаимного контроля судебных функционеров.

Так, уже на уровне уездов имелось два типа судей: судьи-дознаватели, которые устанавливали вину подсудимых, и судьи, устанавливающие меру наказания. Впрочем, на уровне уездов приговоры выносились лишь по очень мелким делам. В большинстве случаев материалы дела отправлялись в провинциальные суды вместе с предложенными местными судьями мерами наказания [Cambridge History of China, 2009. Vol. 5. Part 2. P. 266].

На уровне провинций существовало несколько судебных присутствий, которые могли использоваться как в качестве судов первой степени по более важным делам, так и для рассмотрения дел по апелляциям. Дело, рассмотренное одним из провинциальных судов, могло затем рассматриваться по апелляции другим провинциальным судом [Op. cit. P. 267].

Для контроля качества правосудия были установлены специальные процедуры.

Во-первых, дела, связанные с тяжкими преступлениями, подвергались автоматической проверке на более высоком уровне. Самые тяжелые по наказаниям приговоры утверждались в столице (решения о ссылке утверждались министерством юстиции, а смертные приговоры – только императором после их рассмотрения в Секретариате).

Во-вторых, специальные судебные инспекторы посещали провинциальные суды, беседовали с заключенными и имели право инициировать пересмотр дел, поручать ведение нового расследования другому дознавателю, а также переносить слушание дел в другое судебное присутствие, если для этого были веские основания [Op. cit. P. 268].

Эти процедуры были следствием применения общего принципа китайского правосудия о необходимости выявления несправедливых судебных решений. В частности, решение суда могло быть пересмотрено вне зависимости от времени его принятия, а власти империи устанавливали специальные поощрения для чиновников, способствовавших выявлению судебных ошибок и злоупотреблений. Отметим также, что классический китайский труд по судебной медицине, написанный в XIII в. крупным государственным чиновником Сун Цзы, называется «Собрание отчетов о снятии несправедливых обвинений» [Ши Тао, Лю Цзе, 2019. С. 137].

В принципе правосудие имело внесловный характер, дела всех подданных империи рассматривались в единой системе судов, за исключением разве что армии, для которой существовала система военных судов, замыкающаяся, как и все гражданские суды, на Верховный Суд.

Все же правосудие не было одинаковым для всех. Население страны делилось фактически на три категории: высшие чиновники, обычные подданные и пораженные в правах группы.

Самым главным преимуществом для чиновников было то, что к ним не могли быть применены пытки, которые были законодательно установленной частью процесса дознания. К ним также не применялись телесные наказания (побои), которые представляли собой низшие степени наказания для простолюдинов. Телесные наказания для чиновников были заменены на снижение их бюрократического ранга [*История Китая*, 2007. С. 176]. С другой стороны чиновники в судебном процессе находились под особо пристальным вниманием, так, например, в случае выявления должностных преступлений суд мог начать исследование всей карьеры чиновника на предмет поиска его преступных деяний в прошлом [*Cambridge History of China*, 2009. Vol. 5. Part 2. Pp. 268–269].

Судебной дискриминации подвергалась большая группа населения, а именно сельскохозяйственные арендаторы, основную массу которых составляли крестьяне, собственные наделы которых не обеспечивали их пропитание, либо совсем безземельные. Впрочем, результаты переписей показывают, что безземельных крестьян было мало, большинство сельских жителей владели хотя бы небольшими участками земли [*Op. cit.* P. 349]. Отношения арендаторов с землевладельцами строились по-разному в разных регионах страны. В тех регионах, где была нехватка обрабатываемых земель, они имели в основном рыночный характер, но в регионах с избытком земель осуществлялось фактическое закрепление арендаторов, хотя и в достаточно мягкой форме.

Тем не менее, вне зависимости от региональных особенностей, все арендаторы были поражены в правах. В частности, при совершении преступлений против своего хозяина и его семьи они получали наказание на одну ступень выше положенного по законодательству. Наоборот, хозяева за совершение преступлений против арендаторов получали наказание на одну ступень ниже [*Op. cit.* Pp. 349–350].

Неравным было положение отдельных категорий населения и в гражданских процессах. Представители образованного класса (не только чиновники), хорошо знавшие законы и процедуры, легко выигрывали процессы у представителей низших классов, не осведомленных в различных юридических тонкостях. Поскольку в имперском Китае не было формального института адвокатуры, в эпоху Сун возникает прослойка теневого юридических консультантов и печатаются частным образом специальные справочники, направленные на повышение юридической грамотности непривилегированных слоев населения. Это частично компенсировало информационную асимметрию [*Op. cit.* Pp. 559–562].

3.4. Бессрочно существующие организации в общественной и частной сферах

В теории социальных порядков [*Норт, Уоллис, Вайнгаст*, 2011] выделяются следующие пороговые условия для перехода из состояния естественного государства к порядкам открытого доступа. Это централизованный политический контроль над вооруженными силами, верховенство права для элит и наличие бессрочно существующих организаций в общественной и частной сферах. Как мы показали выше, в Китае эпохи Сун были обеспечены консолидированный контроль над вооруженными силами и верховенство права для элит.

Теперь посмотрим, как выглядели в Китае бессрочно существующие организации.

Исторически выделяются три типа таких организаций: буддийские монастыри, частные академии, а также цеховые организации ремесленников и купеческие гильдии.

Буддийские монастыри представляли собой наиболее богатые и влиятельные негосударственные организации Китая. Они обладали большими земельными угодьями, основу их неземельного богатства составляли частные пожертвования; в то же время монастыри пользовались существенными государственными льготами (в частности, не платили налоги), что иногда использовалось предпринимателями при организации совместных бизнес проектов с руководством монастырей [*Cambridge History of China*, 2009. Vol. 5. Part 2. P. 404].

Монахи также освобождались от государственных работ, что подтверждалось специальными правительственными сертификатами. Эти сертификаты имели хождение на рынке и представляли собой наиболее распространенную ценную бумагу эпохи Сун. Правительство Сун регулярно прибегало к дополнительной эмиссии монашеских сертификатов для пополнения казны [Op. cit. P. 458].

Другую группу негосударственных организаций представляли собой частные академии, которые также были постоянной отличительной чертой китайского общественного ландшафта. Академии были необычно долгоживущими организациями: две из четырех главных академий Китая были конституированы незадолго до воцарения династии Сун, две другие – в начале эпохи Сун. Эти академии в той или иной организационной форме существовали до конца имперского периода Китая. Структурно академии были устроены как современные университетские кампусы: загородное расположение, учебные и жилые помещения расположены неподалеку друг от друга, все это находится в окружении садов и водоемов [*История Китая с древнейших времен...* Т. IV. Период Пяти династий..., 2016. С. 166].

Важное отличие частных академий от государственных школ и университетов состояло в том, что вторые ориентировали студентов преимущественно на официальные учебные курсы, связанные со сдачей экзаменов, в то время как программы обучения в частных академиях были гораздо более гибкими. Формы занятий включали неформальные беседы, была широко распространена практика приглашения преподавателей из других академий и университетов [*Cambridge History of China*, 2009. Vol. 5. Part 2. Pp. 309–312].

Помимо чисто образовательной академии выполняли еще и функцию выработки идеологии. Именно в частных академиях был возможен плюрализм мнений, здесь вырабатывались конкурирующие идеологии, которые затем ложились в основу программ отдельных фракций государственного аппарата.

Третью группу негосударственных организаций составляли цеховые организации ремесленников, так называемые «хань». Цеха появились еще в эпоху империи Тан, но в это время они имели в большей степени административный характер и были устроены для организации поставок ремесленной продукции в государственную казну. При переходе в конце XI в. от натуральных повинностей к денежному налогу административная функция цехов стала чисто фискальной: теперь сумма налога разверстывалась между участниками цеховых объединений пропорционально их имуществу [*История Китая с древнейших времен...* Т. IV. Период Пяти династий..., 2016. С. 227].

Так или иначе при снятии ограничений на торговые операции в городах цеха потеряли свою монопольную силу на рынках: теперь, если цех завышал цены на свою продукцию, то при дешевизне перевозки товаров на рынок легко могла прийти продукция из сельских предприятий или из другого региона. В этой ситуации цеха быстро превращались в самоуправляемые профессиональные ассоциации. Эти цеховые структуры также имели долгую жизнь, сохранившись в Китае до середины XX в. [*Стужина*, 1961].

Таким образом, в Китае эпохи Сун мы видим зрелое естественное государство, в котором сформировались все пороговые условия для перехода к порядкам открытого доступа. Это был, вероятно, первый в мировой истории эпизод подобного типа.

Отметим, что в течение последующих столетий Китай не начал переход к порядкам открытого доступа. Напротив, зрелое естественное государство претерпело процесс деволюции к базовому естественному государству, временами превращаясь в хрупкое естественное государство, как это произошло в период Большой Смуты, длившейся с 40-х гг. XIX в. вплоть до 70-х гг. XX в.

Даже сейчас КНР никак не может рассматриваться как зрелое естественное государство, поскольку оно не обеспечивает принцип верховенства права для элит и не поддержи-

вает функционирование негосударственных организаций. Все организации КНР являются фактически государственными, что проявляется, например, в подавлении деятельности ряда религиозных конфессий. Радикальным образом от социального порядка материкового Китая отличается социальный порядок Республики Китай на острове Тайвань, которая находится сейчас в процессе перехода к порядку открытого доступа.

Рассматривая ситуацию с точки зрения социально-экономической модернизации надо отметить, что во многих отношениях эпоха Сун была высшей точкой развития имперского Китая. Хотя экономический рост продолжался и в последующие за эпохой Сун столетия, это был затухающий рост. В империях Юань, Мин и Цин снижались показатели ВВП, производства зерна и железа на душу населения, уровни урбанизации и грамотности. Китай полностью потерял свое лидерство в научно-технической сфере. В следующем разделе мы рассмотрим гипотезы относительно причин замедления социально-экономического развития и деволюции естественного государства в Китае в столетия, последующие за эпохой Сун.

4. Прерванная модернизация в Китае. Гипотезы

4.1. Внешние вторжения

Одна из наиболее очевидных гипотез о сломе модернизационной тенденции в Китае связана с внешними завоеваниями. В конце XIII в., после почти полувековой войны, Китай был завоеван монголами, которые провозгласили новую имперскую династию Юань. Впервые в своей истории Китай полностью оказался под властью иноземных завоевателей. Однако империя Юань просуществовала по историческим меркам совсем недолго. Уже в 1351 г. в Китае начались массовые антимонгольские восстания, которые привели в 1368 г. к падению династии Юань, изгнанию монголов из Китая и воцарению китайской династии Мин (1368–1644 гг.).

Второе завоевание Китая иноземцами (маньчжурами) произошло в XVII в. Накануне вторжения в течение 1628–1644 гг. весь центральный Китай был охвачен антиправительственным восстанием, что помогло маньчжурам в 1644 г. захватить Пекин и провозгласить новую династию Цин. Однако после этого вооруженное сопротивление маньчжурской династии продолжалось еще 38 лет до 1682 г.

Иноземные вторжения привели к массовым жертвам и разрушениям. Во время монгольского вторжения Китай потерял одну треть населения, во время маньчжурского – одну шестую [Мельянцеv, 1996. С. 63]. Особым разрушениям и опустошениям подвергалась при этом центральная часть Китая, юг страны меньше страдал от военных действий и в большей степени сохранял традиционные институты.

Несмотря на то, что при монголах этнические китайцы подвергались большим ограничениям (комендантский час, запрет на изучение иностранных языков и военного искусства), сами монголы довольно быстро ассимилировались. Маньчжуры были склонны к ассимиляции в гораздо меньшей степени. Правительство империи Цин ввело запрет на браки между маньчжурами и китайцами, на использование маньчжурами китайской одежды и даже не разрешало маньчжурским женщинам бинтовать ноги, как это делали китайки.

С другой стороны, маньчжурское правительство ввело унижительное для этнических китайцев требование сбривать волосы на лбу и заплетать оставшиеся волосы в косичку по маньчжурскому образцу. Впрочем, такая дискриминация впоследствии дорого обошлась самим маньчжурам: во время Синьхайской революции 1911 г. китайские повстанцы убивали поголовно не только маньчжуров-мужчин, но и маньчжурских женщин, определяя их по размеру ноги [Цзя Яньли, 2011].

В силу своей малочисленности в сравнении с численностью коренного населения, маньчжуры были вынуждены допустить к управлению государством этнических китайцев.

Тем не менее основные посты в государственной администрации занимали маньчжуры, а маньчжурские императоры в наибольшей степени прислушивались к советам своих маньчжурских чиновников [*История Китая*, 2007. С. 291].

Все это создавало значительное напряжение в китайской элите, которое было латентным в годы процветания империи Цин, но при развитии династического кризиса в конце XVIII – начале XIX вв. стало важным фактором дестабилизации политического режима. Отношение широких народных масс к маньчжурской оккупации было гораздо более однозначным: единым знаменателем всех общественных движений было требование изгнания из страны маньчжуров и восстановления на престоле национальной династии [Там же. С. 281]. Конечным результатом развития династического кризиса стала Синьхайская революция 1911 г., которая завершила не только маньчжурскую оккупацию, но и всю историю имперского Китая.

4.2. Деволюция социальных институтов в эпоху Мин

После восстановления на престоле в 1368 г. национальной династии Мин было бы естественным ожидать возвращения страны к порядкам династии Сун. Этого, однако, не произошло. Первый император династии Мин происходил из простой семьи и испытывал недоверие к чиновничьему сословию. В своей политике он старался опереться на крестьянскую общину и с этой целью радикально изменил аграрную политику⁵.

Фактически в это период была восстановлена система уравнительного землепользования и ограничения оборота земель. В налоговой системе империя возвратилась к подушно-поземельному налогообложению и принципу круговой поруки. Все это основательно подрывало стимулы к повышению эффективности сельскохозяйственного производства.

Были возвращены трудовые повинности для крестьян и ремесленников, отмененные в империи Сун во второй половине XI в. Массовый характер приняло уклонение крестьян от переписей населения, что говорит о тяжести подушного налогообложения [*История Китая*, 2007. С. 244–247].

В политической жизни недоверие основателя династии к образованному сословию вылилось в репрессии против государственных служащих, которые сопровождались массовыми казнями. Такие репрессии неоднократно повторялись на протяжении всего правления династии. Взамен карьерных чиновников на первый план при дворе выдвигаются евнухи. К концу династии евнухи полностью подчиняют себе административный аппарат. Правление временщиков-евнухов приводило к общему снижению эффективности государственного аппарата, увеличению налогового бремени и падению государственных доходов. Коррупция, которая не являлась большой проблемой в эпоху Сун, достигла теперь катастрофических масштабов [Там же, 2007. С. 244, 251–256].

Внешняя торговля была объявлена государственной монополией еще при монгольской империи Юань. Было также запрещено частное судостроение. И хотя еще в XV в. китай-

⁵ *Примечание редакции:* правление монгольской династии Юань, как справедливо указывает С.А. Васильев, было недолгим. Объяснение невозврата к эффективным порядкам династии Сун происхождением первого минского императора – слишком большое упрощение. Власти династии Мин считали, что опыт правления династии Сун был для Китая неудачным, поэтому были попытки возвращения именно к традициям династии Тан, которая считалась «золотым веком» китайской культуры и государственности [*История Китая*, 2007. С. 243] (см., например, варианты альтернативных объяснений: *Beatrice S.B. (1997). Zhu Yuanzhang and Early Ming Legislation: The Reordering of Chinese Society Following the Era of Mongol Rule. By Edward L. Farmer. [Leiden: Brill, 1995]. The China Quarterly, 150, 467–469; Свистунова Н.П. Законы о наследовании в минских кодексах Да Мин лин и Да Мин люй. Общество и государство в Китае: XXXII научная конференция / Ин-т востоковедения; Сост. и отв. ред. Н.П. Свистунова. М.: Вост. лит., 2002. С. 88–115; Свистунова Н.П. «Финансовая реформа» 1404 года: ее истоки и последствия. Общество и государство в Китае: XLI научная конференция / Ин-т востоковедения РАН. М.: Вост. лит., 2011. (Ученые записки Отдела Китая ИВ РАН. Вып. 3 / редкол. А.А. Бокщанин (пред.) и др.). С. 128–142.)*

ский флот был наиболее передовым в мире и совершал далекие плавания к берегам Африки, в середине XVI в. было остановлено дальнейшее мореплавание и прекращено строительство крупнотоннажных судов. Внутренняя торговля также жестко регулировалась, были введены специальные разрешения на торговлю и утверждены стандарты потребления (образцы одежды, посуды и предметов потребления) для разных сословий [Нефедов, 2001].

Внутренняя стабильность, характерная для эпохи Сун, была полностью утрачена. Сразу же после смерти первого императора династии Мин разразилась война между его наследниками, военные и дворцовые перевороты характерны для всей истории династии. Деволуция шла по всем направлениям: были ограничены религиозные свободы для буддистов и даосистов в целях утверждения официального культа – неоконфуцианства. Имущественные и социальные права женщин были жестко урезаны, их участие в общественных мероприятиях было запрещено. Таким образом, по всем параметрам Китай вернулся к состоянию базисного естественного государства.

4.3. Модернизация и особенности политической культуры Китая

Представляется, что неустойчивость процессов модернизации на глубинном уровне была связана с традиционными институтами Китая, в частности с институтом абсолютной монархии. Император объединял в своей персоне религиозную, законодательную, исполнительную, судебную, военную и финансовую власть в стране. Действительно, императоры династии Сун добровольно ограничивали свои полномочия в целях обеспечения лучшей управляемости страны, и эти ограничения были институционализированы традицией. Однако после монгольского завоевания все старые институты были сломаны, и императоры новой династии Мин, пользуясь своими историческими прерогативами, смогли полностью изменить политическую систему страны.

Одной из исторических особенностей Китая является также полное отсутствие представительных органов управления даже на низовом уровне. Это не являлось препятствием для развития социальной и политической мобильности в обществе. Мы даже полагаем, что использование системы экзаменов для формирования политической элиты обеспечивало лучшие результаты, чем любая система народного или сословного представительства.

Проблемы, однако, возникали в другой сфере: в Китае никогда не было демократии налогоплательщиков. И хотя налоговая система империи Сун была одной из наиболее эффективных в истории естественных государств, а налоги были очень невысоки и равномерно распределены по общественным группам, практика их взимания постоянно усложнялась и обставлялась введением дополнительных выплат. И в этой ситуации отсутствие коррекционного парламентского механизма было весьма чувствительным.

4.4. Технический прогресс и социальные инновации

Несмотря на огромные технические (впрочем, и научные тоже) достижения империи Сун, техническое образование стояло в общественном мнении намного ниже гуманитарного. Кандидаты в чиновники, сдававшие экзамены по гуманитарным наукам, были учеными, а математики, астрономы, инженеры, картографы, медики были как бы вспомогательным техническим персоналом.

В отличие от Европы, где точные науки составляли часть классического образования в рамках так называемого квадривиума (арифметика, геометрия, астрономия и музыка) и исторически входили в программы средневековых университетов, попытки ввести в программы экзаменов в Китае элементы точных наук не увенчались успехом. Хотя в начале XII в. в Кайфэне были созданы специальные высшие школы для подготовки специалистов по медицине, математике, военным наукам, каллиграфии и живописи, выпускники этих

школ стояли на социальной лестнице довольно низко. Следствием пренебрежительного отношения к техническим и точным наукам стала практически полная остановка технического прогресса в постмонгольском Китае.

На самом деле Европу и Китай отличало не только отношение к точным и естественным наукам, но и вообще отношение к понятию прогресса. Идеология прогресса – чисто европейский феномен, имеющий основание в иудеохристианской традиции. Общественный идеал здесь находится не в прошлом, а в будущем (Царство Божие), новое – лучше, чем старое (Новый Завет vs Ветхий Завет).

Совсем другую картину мы видим в Китае. Здесь идеал лежит в прошлом, исторический процесс сопровождается падением нравов и порчей общественных отношений. Поэтому призвание государственных деятелей состоит в том, чтобы вернуть общество к его истокам, например, к патриархальным порядкам эпохи Чжоу (начало первого тысячелетия до нашей эры) или совсем уж мифической империи Ся. Выдающемуся китайскому реформатору XI в. Ван Аньши пришлось приложить немалые усилия для того, чтобы придать своим достаточно радикальным реформам консервативный флер.

При таком интеллектуальном климате любое движение к модернизации оказывается, как правило, не результатом целенаправленной политики, а равнодействующей случайных и не всегда осознанных изменений в экономике и обществе. Именно в силу своей случайности и неосознанности такие изменения оказываются неустойчивыми, так что процессы модернизации могут быть остановлены и обращены вспять.

4.5. Аграрно-демографическая ловушка

Одним из основных факторов успеха европейской модернизации стала демографическая революция. Модернизация экономики и общества становилась устойчивым процессом только в случае повышения уровня потребления населения. Именно повышение уровня жизни населения было основой расширяющегося спроса на продукцию промышленности и, соответственно, ведущим фактором индустриализации. Повышение душевого потребления означает, в частности, что темпы роста сельскохозяйственного производства обгоняют темпы роста населения. Примерно это происходило в Китае в эпоху Сун.

Однако, несмотря на все технологические и агрономические инновации в аграрном секторе, рост сельскохозяйственного производства в конечном счете упирается в проблему ограниченности земель, пригодных для ведения сельского хозяйства. Тут альтернатива одна – либо на определенном этапе замедляется рост населения, либо происходит снижение потребления. В аграрных цивилизациях эта проблема обычно решалась естественным путем – после периодов роста населения в благополучные времена оно потом сокращалось в результате войн и стихийных бедствий (эпидемий, наводнений, засух). Эти колебания численности населения в принципе совпадают с династическими циклами: так в период монгольского нашествия население Китая резко сократилось, потом выросло в относительно спокойные годы правления династии Мин и снова сократилось в середине XVII в. в ходе гражданских войн и маньчжурского вторжения.

Однако в эпоху Цин происходил беспрецедентный рост населения Китая. С 1675–1850 г. население страны выросло более чем в четыре раза – от 100 до 430 млн человек. Это стало возможным благодаря длительному периоду без больших внутренних потрясений при маньчжурском господстве. Площадь пахотных земель при этом возросла незначительно: от 6,1 млн до 7,7 млн цин, при этом площадь пашни на одного жителя сократилась более чем в три раза [Нефедов, 2001].

Снижение обеспеченности пашней лишь отчасти компенсировалось повышением урожайности за счет трудоинтенсивных технологий. Другим фактором преодоления дефицита продуктов питания стало внедрение высокоурожайных американских сельскохозяй-

ственных культур: арахиса, батата и кукурузы, а также рост производства и потребления сахара. Но, несмотря на все эти достижения, потребление зерновых на душу населения постоянно снижалось: к концу XIX в. оно было вдвое ниже, чем в Империи Сун.

Избыточное аграрное население вытеснялось в города и сельские мануфактуры, однако из-за дешевизны рабочей силы в промышленности не было стимулов к инновациям и повышению производительности труда. Реально никакой прогресс в экономике в такой ситуации невозможен: все пригодные для сельского хозяйства земли распаханы, и они используются с максимально возможной эффективностью. Любое изменение аграрных технологий может привести только к падению производства. Точно так же инновации в промышленности были не только невыгодны экономически, но и усиливали бы люмпенизацию городского населения, которая к этому времени достигла неуправляемых масштабов [Нефедов, 2001].

Этот аграрно-демографический кризис мог быть разрешен только насильственным образом. В середине XIX в. Китай вступил в полосу войн и смут, и уже первое крупное народное восстание (восстание Тайпинов, 1850–1864 гг.) унесло жизни, по крайней мере, 50 млн китайцев. В конечном итоге демографическая революция в Китае так и не произошла, а снижение естественного прироста населения было достигнуто административно-полицейскими методами только во второй половине XX в. при коммунистическом режиме.

Выводы

1. Совокупность экономических, социальных и культурных изменений, произошедших в Китае в эпоху Сун, оказывается практически полностью изоморфной изменениям, происходившим в Западной Европе в Новое время, в период, предшествующий началу ускоренного экономического роста (XVI–XVIII вв.).

2. В экономической сфере это формирование института частного землевладения, массовое внедрение технологических инноваций в сельском хозяйстве, промышленности и транспорте, опережающее развитие промышленности, торговли и иных отраслей третичного сектора.

3. В социальной сфере это процесс урбанизации, широкое развитие книгопечатания и грамотности, формирование городского и сельского среднего класса, начало женской эмансипации и секуляризация общественной жизни.

4. В политической сфере это создание упорядоченных государственных институтов с элементами разделения властей, формирование эффективной налоговой системы, переход к профессиональной (наемной) армии, унификация права и правосудия.

5. Весьма сходными являются экономические показатели Китая эпохи Сун и стран Западной Европы Нового времени. Так, среднегодовые темпы роста ВВП на душу населения в Китае XI в., в Англии и Фландрии в XVI–XVIII вв. оказываются примерно одинаковыми и существенно превосходят темпы роста, характерные для аграрных сообществ (Китай: 0,15–0,25; Англия: 0,23–0,25; Фландрия: 0,18–0,20). По уровню ВВП на душу населения Англия достигла показателей Китая XI в. примерно в 1650 г., другие страны Европы еще позже.

6. Все это позволяет говорить о том, что Китай в эпоху Сун вступил в процесс ранней модернизации, аналогичный тем процессам, которые происходили в Западной Европе в 1500–1800 гг. Сходство это тем более замечательно, что процессы ранней модернизации в столь отдаленных друг от друга частях Евразии происходили совершенно независимо друг от друга.

7. С точки зрения теории социальных порядков можно сделать вывод о том, что Империя Сун представляла собой зрелое естественное государство, в котором впервые в истории сформировались пороговые условия для перехода к порядкам открытого доступа,

а именно: верховенство права для элит, консолидированный контроль над вооруженными силами, а также бессрочное существование общественных и частных организаций.

8. Мы можем также выделить некоторые элементы порядков открытого доступа, характерные для Империи Сун:

- защищенная частная собственность;
- открытый доступ к большинству видов экономической деятельности;
- широкие имущественные и социальные права женщин;
- открытый доступ к системе образования;
- открытый доступ в политическую систему;
- универсальная система правосудия;
- религиозная свобода;
- свободная печать и отсутствие цензуры.

9. Непосредственной причиной разрыва модернизационных процессов в Китае стали иноземные вторжения XIII и XVII вв., которые привели к изменению политической культуры и деволуции социальных институтов. В долгосрочной же перспективе основным препятствием для возвращения Китая на путь модернизации была мальтузианская модель экономического развития, в которой высокие темпы естественного прироста населения препятствовали повышению жизненного уровня и внедрению технологических и социальных инноваций.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Подходы к оценке исторических показателей социально-экономического развития Китая

История Китая эпохи Сун достаточно хорошо задокументирована, но существует значительный разброс в оценках динамики количественных показателей социально-экономического развития. Ниже мы остановимся на основных проблемных моментах оценки этих показателей.

За основу мы принимаем данные В.А. Мельянцева, представленные в его классической работе [Мельянцев, 1996]. В частности, его расчеты по производственной функции подтверждают гипотезу ранней модернизации в Китае в эпоху Сун, так как доля интенсивных факторов экономического роста в этой модели составляет 25–35%, что вполне сопоставимо с европейскими показателями Нового времени. При этом в последующие эпохи развития имперского Китая вклад интенсивных факторов был отрицательным (–15–25%), что говорит о падающей совокупной производительности факторов экономического роста и переходе к чисто экстенсивной модели роста [Мельянцев, 1995. С. 12–14].

Существует большая неопределенность в оценках численности населения в начале царствования династии Сун. Дело в том, что переписи населения могли эффективно проводиться только при сильной центральной власти, так что мы имеем надежные данные по 755 г. (50 млн человек) и по 1100 г. (100 млн человек). Разброс оценок численности населения в начале эпохи Сун очень велик – от 20 млн до 50 млн человек. Последняя цифра представляется крайне сомнительной: в периоды смут и династических кризисов население в Китае всегда сокращалось, тем более что и территория Китая в эпоху Сун была значительно меньше, чем в эпоху Тан: имперские власти потеряли контроль не только над северными провинциями, но и над коридором Ганьсу и Синьцзяном. Низшая оценка (20 млн) предполагает пятикратный рост населения Китая в течение 150 лет, что также маловероятно. Поэтому население Китая в 960 г. оценивается нами в 6,5 млн домохозяйств, что при средней численности домохозяйства в 5,5 человек дает цифру в 36 млн человек.

Столь же различные оценки существуют для численности городского и сельского населения. Доля городского населения здесь варьирует от 12 до 20%. Мы придерживаемся более высокой оценки с учетом того, что доля населения, занятого в сельском хозяйстве в эпоху Сун, снизилась до 2/3 населения.

Наиболее непростой для количественного анализа является проблема уровня налоговой нагрузки. Существует общий консенсус среди исследователей о том, что доля налоговых изъятий в ВВП в империи Сун была аномально высокой для аграрных обществ. Однако имеются большие разногласия относительно того, какой именно была эта доля. Разные исследователи дают различные интервальные оценки налоговой нагрузки, в частности 13–24%, 10–15 и 9–17% [*Cambridge History of China*, 2009. Vol. 5. Part 2. Pp. 24, 142]. Для грубой оценки бюджетных показателей мы будем использовать среднеарифметическое из трех среднеарифметических, а именно из показателей 18,5%, 12,5 и 13%. Это дает нам цифру 15%, которая вписывается во все три интервала.

Отношение к ВВП налогов, собираемых в постмонгольском Китае (эпохи Мин и Цин), составляло 6–8%, этот же уровень (7%) мы можем предположить в начале эпохи Сун. Поэтому мы получаем двукратный рост налоговой нагрузки за 150 лет (960–1100 гг.) и еще более значительный рост консолидированного бюджета империи. Поскольку ВВП страны за это время вырос в 5,4 раза, то общий объем бюджетных доходов вырос в 11 раз.

За это время произошел существенный сдвиг в структуре доходов. К концу XI в. 2/3 доходов бюджета составляли поступления от несельскохозяйственной деятельности. Таким образом, налоговая нагрузка на сельское хозяйство составляла примерно 5% ВВП, а на прочие отрасли – 10% ВВП. Рост налоговых поступлений от сельского хозяйства составил 5,4 раза, а рост производства зерна – 4,5 раза, так что рост налоговой нагрузки на сельскохозяйственных производителей был вполне соразмерен росту производства.

В структуре несельскохозяйственных бюджетных поступлений примерно половину составляли торговые налоги (2% – транзитный налог и 3% – налог с продаж). Другая половина – доходы от государственных монополий, в основном от винной и соляной. По своей экономической природе доходы от монополий представляют собой акцизы. Таким образом, все налоги в несельскохозяйственном секторе были косвенными.

ЛИТЕРАТУРА

- Гайдар Е.Т. (2005). Долгое время. Россия в мире: очерки экономической истории. М.: Дело.
- Дьяконов И.М. (2007). Пути истории: От древнейшего человека до наших дней. М.: КомКнига.
- История Китая с древнейших времен до начала XXI века: в 10 т. / Гл. ред. С.Л.Тихвинский. Т. IV. Период Пяти династий, империя Сун, государства Ляо, Цзинь, Си Ся (907–1279) (2016) / Отв. ред. И.Ф. Попова. Ин-т восточных рукописей РАН. М.: Наука – Вост. лит.
- История Китая: Учебник (2007) / Под ред. А.В. Меликсетова. 4-е изд. М.: Изд-во МГУ; изд-во «ОНИКС».
- Мартынов Д.Е., Мартынова Ю.А. (2018). Найто Торадзиро как синолог. Электронный архив КФУ. dspace.kpfu.ru/xmlui/viewer?file=150877;gjhch2018151155.pdf&sequence=-1&isAllowed=y.
- Мельянцев В.А. (1995). Экономический рост стран Востока и Запада в долгосрочной перспективе: Автореф. дисс. д-ра экон.наук.
- Мельянцев В.А. (1996). Восток и Запад во втором тысячелетии: экономика, история и современность. М.: Изд-во Московского университета.
- Нефедов С.А. (2001). О демографических циклах в истории Китая (XIV–XIX вв.). Деп. ИНИОН РАН 16.07.01. № 56629. book.uraic.ru/elib/authors/NEFEDOV/Science/China/China1.htm.
- Норт Д.; Уоллис Д.; Вайнгаст Б. (2011). Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества / Пер. с англ. Д. Узланера, М. Маркова, Д. Раскова, А. Расковой. М.: Изд-во Института Гайдара.
- Стужина Э.П. (1961). О характере цеховой организации в Китае в XVII – первой половине XIX века // Проблемы востоковедения. 1961. №1. www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/XVIII/1780-1800/Ustavy_ceilov_Suzjou/pred.htm.

- Цзя Яньли (2011). Конфликт между китайцами и маньчжурами в период Синьхайской революции и его урегулирование // Цинши яньцзю. Пекин. 2011. №3. С. 110–117. cyberleninka.ru/viewer_images/15135141/f/1.png.
- Ши Най-ань (2014). Речные заводы / Пер. с кит. А.П.Рогачева. В 2-х т. СПб: Наука.
- Ши Тао, Лю Цзе (2019). Роскошь двух столиц / Пер. с кит. А.С.Труновой. М: ООО Международная издательская компания «Шанс».
- Ebrey P.B., Walthall A., Palais J.B. (2006). *East Asia: A Cultural, Social and Political History*. Boston: Houghton Mifflin.
- Gernet J. (1962). *Daily life in China on the eve of Mongol invasion, 1250–1276* / Transl. by H.M. Wright. London: Allen and Unwin, 1962.
- Goldstone J. (1998). The problem of the 'early modern' world // *Journal of the Economic and Social History of the Orient*. 41 №3. Pp. 249–284.
- Needham J. (1971). *Science and civilization in China*. Vol. 4. Part 3. Cambridge: Cambridge University Press.
- The Cambridge History of China. (2009). Vol. 5. Part One: The Sung Dynasty and its Precursors, 907–1279 / D. Twitchett, P.J Smith (Eds). N.Y.: Cambridge University Press.
- The Cambridge History of China. (2015). Vol. 5. Part Two: Sung China, 960–1279 / J.W. Chaffee, D. Twitchett (Eds.) Cambridge: Cambridge University Press.
- Yi Xu, van Leeuwen B., van Zanden J.L. (2018). Urbanization in China, ca 1100–1900 // *Frontiers of Economics in China*. Vol. 13(3). Pp. 322–368.

Васильев Сергей Александрович

savasiliev.78@gmail.com

Sergei Vasiliev

Dr. Soc. (Economics), Academic director of International Centre for Social and Economic research "Leontief Centre" (Saint-Petersburg).

savasiliev.78@gmail.com

EARLY MODERNIZATION IN SUNG CHINA

Abstract. At the beginning of the second millennium AD during the rule of the Sung dynasty China was the most economically developed country of the world. At that time we can observe in China certain phenomena which are typical for societies undergoing the process of modernization. In the sphere of technology and economy we see the increasing use of coal and rapid growth in metallurgy, revolution in shipbuilding and navigation, development of internal waterways and great expansion of trade. The social development of Sung China is marked by rapid urbanization, the spread of mass education and increasing literacy, wide social rights of women. These interconnected socio-economic changes do resemble to large extent processes occurring during the early phase of European modernization from 16-th to 18-th centuries.

Politically the Sung empire can be considered a mature natural state, where for the first time in the history of mankind were achieved the doorstep conditions for transition to open access order, namely consolidated control of military, rule of law for elites and perpetually lived organizations in public and privates spheres. Political practices of Sung empire did include some elements of open access order such as protected private property, universal judicial system, open access to education, religious freedom and the absence of censorship.

The author believes that during the reign of the Sung dynasty China entered the period of early modernization, interrupted later by foreign invasions, which induced changes in political culture and caused devolution of social institutes. In the long term view the development of China was kept back by the dominant malthusian growth model, where high rate of population growth does not allow living standards to increase and hinders innovative activity.

Key words: *China, early modernization, Sung empire, mature natural state, doorstep conditions for transition to open access order.*

JEL: H10, N15, N45, N55, N75, O53, P40.

REFERENCES

- Diakonov I.M. (2007). *Puti istorii: ot drevneyshego cheloveka do nashih dney*. [Ways of history: from prehistorical man to our days]. Moscow: KomKniga.
- Ebrey P.B., Walthall A., Palais J.B. (2006). *East Asia: A Cultural, Social and Political History*. Boston: Houghton Mifflin.
- Gaidar E.T. (2005). *Dolgoye vremia. Rossiya v mire: ocherki ekonomicheskoy istorii* [Russia: A Long View]. Moscow: Delo.
- Gernet J. (1962). *Daily life in China: on the eve of Mongol invasion, 1250–1276*. London: Allen and Unwin.

- Goldstone J.* (1998). The problem of the 'early modern' world // *Journal of the Economic and Social History of the Orient*. Vol. 41. №3. Pp. 249–284.
- Istoriya Kitaya s drevneishih vremyon do nachala 21 veka / Tom IV. Period pyati dinastiy, imperiya Sung, gosudarstva Liao, Jin i Xi Xia (907--1279) (2016). [Chinese history from prehistorical times to 21-st century / Vol. 4. Period of five dynasties, Sung empire, states of Liao, Jin and Xi Xia (907–1279)]. Moscow: Nauka.
- Istoriya Kitaya: Uchebnik (2007). [History of China: a textbook]. Moscow: MGU: ONIX.
- Jia Yanli* (2011) Konflikt mezhdru kitaytsami i manchzhurami v period Sin'haiskoy revolyutsii i ego uregulirovanie/ [Conflict between Han people and Manchus during Xinhai revolution and its settlement] // *Qingshi yanjiu*. №3. Pp. 110–117. cyberleninka.ru/viewer_images/15135141/f/1.png.
- Martynov D.E., Martynova Yu.A.* (2018). Naito Torajiro kak sinolog. [Naito Torajiro as sinologist] Electronic archive of Kazan University. dspace.kpfu.ru/viewer?file=150877;rjphch2018_151_155.pdf&sequence=-1&isAllowed=y.
- Melyantsev V.A.* (1995). Economicheskiy rost stran Vostoka i Zapada v dolgosrochnoy perspective [Economic growth in eastern and western countries in the long term] Abstract of D.Soc. Thesis.
- Melyantsev V.A.* (1996). Vostok i Zapad vo vtorom tysyacheletii: economica, istoriya, sovremennost' [East and West in the second millennium: economy, history and modernity]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta.
- Needham* (1971). Science and civilization in China. Vol. 4. Part 3. Cambridge: Cambridge University Press.
- Nefedov S.A.* (2001). O demograficheskikh tsiklah v istorii Kitaya (XIV–XIX vv.) [On demographic cycles in the history of China (14-th to 19-th centuries)] Deposited in INION RAN 16.07.2001 №56629. book.uraic.ru/elib/authors/NEFEDOV?Science/China/China1.html.
- North D., Wallis J., Weingast B.* (2011). Nasilie i sotsial'nye poriadki. Kontseptual'nye ramki dlia interpretatsii pis'mennoy istorii chelovechestva [Violence and social orders: a conceptual framework for interpreting recorded human history]. Moscow: Isdatel'stvo instituta Gaidara.
- Shi Nai'an* (2014). Rechnye zavodi [Water margin]. Saint-Petersburg: Nauka.
- Shi Tao, Liu Jie* (2019). Roskosh' dvuh stolits [The splendor of two capitals]. Moscow: Mezhdunarodnaya izdatel'skaya kompaniya "Shans".
- Stuzhina E.P.* (1961). O haraktere tshovoy organizatsii v Kitae v XVII – pervoy polovine XIX veka [On the features of guild organizations in China, 17-th to the first half of 19-th century] *Problemy vostokovedeniia*. №1. www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/XVIII/1780-1800/Ustavy_cechov_Suzjou/pred.htm.
- The Cambridge History of China (2009). Vol. 5. Part One: The Sung Dynasty and its Precursors, 907–1279 / D. Twitchett, P.J. Smith (Eds.). N.Y.: Cambridge University Press.
- The Cambridge History of China (2015). Vol. 5. Part Two: Sung China, 960–1279 / J.W. Chaffee, D. Twitchett (Eds.) Cambridge: Cambridge University Press.
- Yi Xu, van Leeuwen B., van Zanden J.L.* (2018). Urbanization in China, ca 1100–1900 // *Frontiers of Economics in China*. Vol. 13(3). Pp. 322–368.